

духу. Саме ж життя є «невільницька праця, для якої наша внутрішня людина заслана начебто на заслання у тлінні місця, які гірним небесним житлям цілком протилежні» [1, с. 206]. Доказом же безсмертного духу слугує пам'ять про чесних людей, коли б вони не жили.

Висновки. Кожний за свого життя, незважаючи на вік, повинен шанувати у собі й інших внутрішню духовну людину, дотримуючись у всьому поміркованості відповідно до Законів Природи, що міру поклала і самому життю. У цілому вимоги дотримання міри, соціальної активності, розумової праці, розглянуті у статті, складають практичні настанови сучасних героїв *Філософії життя*. Дана стаття у подальшому послугує філософським підґрунтям для розгортання й впровадження настанов соціальної геронтології.

1. **Сковорода Г. С.** Ціцерон. Про старість / Пер. М. Кашуби // Сковорода Г. Твори : У 2 т. – К.: Обереги, 1994. – Т. 2. – С. 184–210.

Надійшла до редколегії 26.01.2012 р.

УДК 130.2

С. Ш. Айтов

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта имени академика В.А. Лазаряна*

ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ Ю. М. ЛОТМАНА

Аналізується вплив семиотичних та історично-антропологічних елементів філософсько-культурних концепцій Ю. М. Лотмана.

Ключові слова: Ю. М. Лотман, історична антропологія, семиотика, філософія культури, реконструкція.

Анализируется влияние семиотических и исторически-антропологических элементов философско-культурных концепций Ю. М. Лотмана.

Ключевые слова: Ю. М. Лотман, историческая антропология, семиотика, философия культуры, реконструкция.

Influence of semiotic and historically-anthropological elements of philosophical-cultural conceptions of is analysed in the article by Y. M. Lotman.

Keywords: Y. M. Lotman, historical anthropology, semiotics, philosophy of culture, reconstruction.

Постановка проблеми. Проблематикой данной работы является анализ влияния семиотических исследований Ю. М. Лотмана, одного из знаковых представителей социально-гуманитарного познания современности на философско-культурные концепции этого исследователя и его историко-антропологические подходы.

Цель работы. Целью исследования является изучение применения категорий текста, контекста, реконструкции прошлого к осмыслению проблем «человеческого измерения» истории и философии культуры.

Актуальность работы заключается в большом когнитивном потенциале семиотики для реализации эффективных исследований в универсуме социально-гуманитарного познания и, в частности, в когнитивном пространстве философии культуры и исторической антропологии.

Состояние исследования проблемы. Следует отметить, что тема когнитивного воздействия семиотики и ее концептуальных подходов к изучению исторической реальности, бытования «человека в истории» является мало изучен-

ной, и объективно представляет большой научный интерес для исследователей историко-антропологической, историко-культурной, философско-культурной проблематики. Среди авторов, которые затрагивают в своем творчестве подобную тематику, можно выделить, в частности, самого Ю. М. Лотмана, В. Иванова, В. Топорова, Е. Погосян, Т. Николаева и др.

Основная часть. Понятие текста является одним из ключевых в культурологии, гуманитаристике. Еще М. Бахтин отмечал значительную роль феномена текста, считая, что последний является той непосредственной действительностью (мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для гуманитарных исследований [3, с. 70]. По Бахтину, все особенности работы мышления, логики гуманитария определены тем, что это работа в тексте, мышления в тексте, бытие в тексте [3, с. 70]. С его точки зрения, бытие для гуманитария представлено лишь в речи человека, отраженной текстом, и вне собственно бытия человека, лишь в несовпадении с этим бытием [3, с. 70]. Гуманитарий изучает только текст, даже только набранный текст, как втягивающий в себя и воспроизводящий в себе всю мировую культуру [3, с. 75].

Феномен текста оказался в центре внимания французских постструктуралистов, объединившихся в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. вокруг научного журнала «Тель-Кель». Теоретики группы «Тель-Кель», в частности, Ю. Кристева, Ф. Соллерс, К. Л. Бодри, Ж.-Ж. Гу, и др. ... рассматривали действительность как комплекс особого рода структур-текстов», утверждая, что литературное произведение само по себе генерирует значения, т. е. что смысл каждого (литературного) произведения не имеет строгих границ, «иероглифичен», т. е. «открыт» и, следовательно, нескончаемо разнообразен [4, с. 208]. По мнению Ю. Кристевой, каждый текст существует в пересечении интертекстовых связей, которые оседают в нем, как напластования (смысловых) слоев. Отсюда следует, что любой текст необходимо рассматривать в его знаковом окружении, не отрывая от семиотического среза культуры [5, с. 239]. Соллерс выдвинул термин «текстуальное письмо», претендующий на признание литературы и теории литературы той сферы общественного сознания, которая выражает основные изменения в области идеологии, философии науки и, более того, определяет эти изменения [4, с. 209].

По Ф. Соллерсу, текстуальному письму присуща также определенная социально-преобразующая роль [4, с. 209].

Значительный вклад в изучение понятия и свойств текста внес один из крупнейших гуманитариев-структуралистов Р. Барт.

В соответствии с его концепцией, текст сплетен из невообразимого числа культурных кодов, в существовании которых автор самого текста, как правило, не отдает себе отчета и которые проникают в произведение помимо его сознания, бессознательно. Культурный код по Барту, это «переплетение множества цитации» «мираж», сотканный из множества структур. Смысловые единицы, образуемые этим кодом – суть отголоски чего-то, что уже было читано, видано, сделано, пережито. Код является следом этого «уже». Отсылая (неосознанно) к ранее написанному, иными словами, к книге культуры, автор превращает текст в каталог этой («большой») книги [7, с. 39] культуры. В свою очередь, сам текст вплетен в бесконечную ткань культуры, он является ее памятью, причем помнит не только прошлое, но и настоящее, а также может предсказывать будущее [7, с. 39]. Барт считает, что текст – это не знак, а условия его порождения, «пространство... где встречаются для свободной игры гетерогенные культурные коды. Науку о функционировании текста, которую еще предстоит выработать, Р. Барт назвал «письмом» [4, с. 208].

Ю. М. Лотман также уделил много внимания в своем творчестве анализу и истолкованию понятия «текст». Исследователь считает, что текст является не действительностью, а материалом для реконструкции последней. Поэтому семантический анализ текста всегда должен предшествовать историческому [13, с. 151]. Иерархия текстов внутри культуры устанавливается, по Ю. М. Лотману, в соответствии с долгосрочностью, долговечностью первых. Наиболее ценными являются предельно долговечные тексты [13, с. 149].

Многослойные и семиотические неоднородные тексты, какими являются, в частности, художественные произведения, способны, как считает ученый, вступать в сложные отношения и с окружающим культурным контекстом, и с читательской аудиторией, перестают быть элементарными сообщениями, направленными от адресата к адресату, обнаруживая способность конденсировать информацию, они приобретают память [11, с. 5]. На такой стадии структурного усложнения текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства: он не только передает заложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новую информацию. Ю. М. Лотман обособил пять новых свойств:

1. Осуществление текстом общения между «адресатом» и «адресантом». Функция текста: сообщения информации от носителя к некоей аудитории;
2. Общение между некоей аудиторией и культурной традицией. Функция текста: культурная память;
3. Актуализация текстом определенных сторон деятельности «адресата»;
4. Общения читателя с текстом, причем последний выступает в качестве равноправного собеседника, обладающего высоким моральным весом;
5. Общения между текстом и культурным контекстом [11, с. 56].

Итак, один из смыслов, которые Ю. М. Лотман вкладывает в понятие текста – это художественное произведение, литературное по преимуществу, – чьи свойства и смысловое содержание выходят за грань его непосредственного, буквального значения. Иными словами, можно сказать, что подлинное и наиболее значимое для историка и культуролога содержание текста превосходит содержание буквальное на величину смыслов, приведенных автором в повествование неосознанно, ненамеренно – в той же степени, в какой неосознанны его мировидения и ориентация в социокультурном пространстве собственной эпохи.

Второй смысл понятия «текст» по Ю. М. Лотману, является итогом «универсализации» его представлений о тексте – художественном произведении. Исследователь полагает, что культура может быть представлена как механизм, создающий совокупность текстов, а сами тексты являются реализацией культуры [13, с. 152]. По мнению Лотмана, весь мир может быть представлен как некоторый текст, состоящий из знаков разного порядка (сложности) [13, с. 152]. Текст культуры является наиболее абстрактной моделью культуры с позиции данной культуры. Обязательное качество текста культуры, «большого текста», «макротекста» – универсальность. Являясь Универсумом, Вселенной Культуры, он включает в себя все [9, с. 463]. Так, В. Топоров трактует как своеобразный текст топос и историко-культурные коды Петербурга [14, с. 13]

Представления Ю. М. Лотмана о сущности и свойствах феномена текста в культуре сходны с теоретическими положениями ученых, упоминавшихся в данной главе. Как и М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман рассматривает текст («макротекст») в качестве универсума, «включающего в себя все». Но если М. М. Бахтин склонен, на наш взгляд, считать свою концепцию «идеальной» моделью, и отдалять, дифференцировать бытие духовной культуры от бытия действительного, то Лотман в своих теоретических построениях не делает разницы между пространством вымысла, интеллектуальной сферы и пространством реального. Культурный Универсум обнимает оба континуума, состоит из них.

Подобно французским постструктуралистам, Ю. М. Лотман трактует текст – художественное произведение как пространство полифонии смыслов. Интерпретируя текст как феномен культуры, обладающий способностью воздействовать на действительность, Ю. М. Лотман солидаризуется с Ф. Соллерсом. Как и Р. Барт, Ю. М. Лотман рассматривает текст – художественное произведение как пространство, открытое познанию исследователей. У обоих исследователей присутствует понятие культурного кода и культурной памяти, однако она трактуют их по-разному. Культурный код у Барта – «пересечение множества цитации», совокупность смыслов – прежних и настоящих в художественном произведении.

По Лотману культурный код – это своеобразный «фильтр», соотносящий возможные и действительные сюжеты поведения членов данной социальной группы. По Р. Барту функции памяти культуры выполняют тексты, по Ю. М. Лотману – сама культура является памятью социума. В отличие от

Р. Барта и французских постструктуралистов, Ю. М. Лотман трактует понятие текста двояко – и как «большой текст», «сверхиндивидуальное единство» [13, с. 17], и как художественное произведение, что создает перспективу для культурологических исследований: прочитав «большой текст» можно, только изучив знаковые системы, составляющие культурный Универсум и описывающие его, а это невозможно без знания «микротекстов» прошлого.

Изучение текста как одного из важнейших феноменов культуры выдвигает проблему соотношения текста, смысловых значений, заложенных в нем автором и культурным окружением текста – культурным контекстом. Решение этой проблемы позволяет правильно оценить соотношение текста и исторической действительности, которой он принадлежит; глубже понять реалии описанных в тексте времен и событий прошлого, а следовательно, через это понимание постигнуть внутренний мир людей прошлого, их повседневную жизнь, мироведение.

Внетекстовый интонационно-ценностный контекст в большей своей части остается вне данного текста – особенно в своих наиболее существенных и глубинных пластах [3, с. 76]. По М. М. Бахтину, в каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и неиспользованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры [3, с. 76]. В свою очередь, упомянутые «нераскрытые смыслы» содержатся в текстах («микротекстах») культуры – в том числе художественных произведениях. Очевидно, что исследование интеллектуального содержания данной культуры во всей ее полноте обладает значительным познавательным потенциалом.

Большое внимание проблеме множественности смыслов текстов культуры уделил Р. Барт. Их многозначность, согласно представлениям исследователя, свидетельствует об открытости текста, означающей, что текст рождает все новые смыслы, проходя сквозь сознание читателей [5, с. 237]. Основа многозначности текстов заключается в многозначности их смысловых единиц-слов. Всякое слово наряду с более или менее твердым значением, которым оно обладает, пропитано множеством текучих, изменчивых идеологических смыслов, которые оно приобретает в контексте своих употреблений [7, с. 14]. Будучи зависимым от социокультурного контекста, коннотативные смыслы (текстов), как правило, не фиксируются в словарях, а потому их распознавание во многом зависит от кругозора и чутья интерпретатора [7, с. 17]. Коннотативные смыслы существуют, по Р. Барту, до тех пор, пока живет идеологический контекст, их породивший, и пока сами потребители, текстов (читатели) свободно ориентируются в этом контексте [7, с. 17]. Коннотативные смыслы способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам, выполняющим практическую функцию.

Исторический смысл художественных произведений есть результат его интенциональности: интенция как бы «собирает» текст изнутри, создает внутри него устойчивую смысловую структуру, закреплённую в системе персоналий (данного текста), парадигматике и синтагматике сюжета [7, с. 33]. Барт считает, что «понять» исторический смысл произведения – значит вжиться в эту структуру, увидеть мир глазами (персонажей) произведения, заговорить на его языке, подчинить себя заложенному в нем чувству жизни. Мир смыслов, порожденных текстом (литературным произведением), образован читателями различных поколений и времен и разнообразен. Поскольку, по Р. Барту, разнообразен культурный кругозор самих читателей [7, с. 33]. Совокупность суждений читателей и критики о тексте является, в сущности, частью культурного контекста.

Будучи порождены словом историческим временем, тексты отнюдь не замыкаются в нем, но активно вовлекаются в свою орбиту всеми последующими временами [1, с. 213]. Выявление и констатация наличия множества разнообразных смыслов в художественном произведении создает предпосылки для реконструкции исторической эпохи и мира людей (представленных персонажами), в нем описанных. Основываясь на своих теоретических положениях, Р. Барт сформулировал оригинальную методику реконструкции повседневной

жизни и мировидения представителей «образованного общества» Франции эпохи Н. Расина (1633–1699 гг.). Составные части ее таковы:

1. Описание театральной среды эпохи Расина [1, с. 213];
2. Описание театральной публики (состав публики, функция театра в ее глазах);
3. Выявление причин той или иной эмоциональной реакции зрителей на театральную постановку [1, с. 214];
4. Оценка интеллектуальной подготовки публики (с этой целью – изучение истории образования во Франции XVII в) [1, с. 215];
5. Воссоздание коллективной ментальности XVII века [1, с. 217];
6. Оценка места литературы во французском обществе времен Н. Расина [1, с. 217].
7. Выявление элементов видения мира самого Н. Расина и его (образованных) современников [1, с. 220].

Ю. М. Лотман рассматривал текст не только в аспекте сложного взаимодействия его различных смысловых уровней, но и во взаимодействии с культурным контекстом. Ученый трактовал культурный контекст как сложное и гетерогенное явление.

Один и тот же текст может вступать в разные отношения с его различными уровнями. Тексты, перемещаясь в другой культурный контекст, имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой, где ведут себя как информанты. В новой среде они актуализируют прежде скрытые аспекты своей кодирующей системы [11, с. 7]. Отношения текста к культурному контексту может иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста [11, с. 6].

В качестве примера отношения Ю. М. Лотмана к данной проблеме можно указать на его понимание роли вещей повседневного быта в Культурном Универсуме. По мнению Ю. М. Лотмана, все окружающие людей вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику и становятся как бы сгустками отношений между людьми, готовые в этой своей функции приобретать символический характер [8, с. 8]. Вещи властно диктуют жесты, стиль поведения и, в конечном счете, психологическую установку своим обладателям [8, с. 11]. Они навязывают манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст [8, с. 12].

Изучение конкретного текста в сочетании и взаимодействии с его культурным контекстом позволяет, как показал, в частности, опыт «Сотворения Карамзина», реконструировать внутренний мир и мышление человека (или людей) прошлого, именно из сопоставления текста и культурного контекста возникают правила реконструкции реалий прошлого, создав которые, исследователь сможет вычитать в тексте и то, что с точки зрения его создателя не «являлось фактом», но что может быть именно так оценено историком [13, с. 152].

На наш взгляд, излюбленным творческим приемом Ю. М. Лотмана является реконструкция поведения и мировидения представителей «культурного слоя» рассматриваемой им эпохи посредством анализа художественных произведений, в которых описано интересующее его историческое время. Так, целью работы «О Хлестакове» (1975 г.) исследователь считал не изучение образа гоголевского героя, как части художественного целого комедии, а реконструкцию на осознании этого глубокого создания синтезирующей мысли художника некоторых типов поведения современников Хлестакова, образующих большой культурно-исторический контекст, без знания которого невозможно (понимание социально значимого поведения человека данной эпохи) и построения ряда культурно осознанных типов поведения [10, с. 309]. Б. Кеpeci заметил, что Ю. М. Лотман, когда анализирует художественные произведения, подчеркивает их роль в передаче информации (о прошлом) до такой степени, что обращается с ними как с определенными моделями действительности [6, с. 48].

Мир прошедших эпох открывается Ю. М. Лотману, подобно М. М. Бахтину, как мир непознанных смыслов, постигнув которые, можно узнать новое о прошлом и, главное, о бытии и личностной сущности «Человека в Истории». Основой для сбора и последующего анализа непознанных смыслов являются, по мнению обоих ученых, тексты, в том числе художественные произведения. В то время, как Р. Барт сосредоточил свои научные интересы на анализе внутренней интенциональной структуры и пространстве текстов, Ю. М. Лотман ак-

центрировал свое внимание главным образом на изучении проблемы соотношения текста и культурного контекста и, шире, текста и культуры – в целом. Российский и французский ученые пришли к выводу о необходимости создания правил реконструкции прошлого.

Р. Барт составил свод таких правил, и ограничился этим. Своей задачей он считал попытку проникнуть внутрь мира расиновских трагедий и постараться описать обитателей этого (литературного) мира [2, с. 42], сознательно избегая при этом любых умозаключений от произведения к автору и от автора к произведению. В качестве инструмента своего исследования Р. Барт применял анализ «внутрилитературного» анализа расиновских пьес. Таким образом, французского ученого интересовали не современники Расина, не их ментальность и психология, а некоторые литературные отражения первых. Правила реконструкции внутреннего мира французов XVII века служат – в этой системе – объяснению внутритекстуальных, чисто литературных коллизий и персонажей, а не наоборот – как у Ю. М. Лотмана.

Такие работы тартуского ученого, как, «Декабрист в повседневной жизни» (1975), «О Хлестакове» (1975), «Сотворение Карамзина» (1987) являются удачными и удавшимися реконструкциями мировидения и мышления людей исследуемой им исторической эпохи, которые были созданы именно посредством анализа «микротекстов» литературных произведений и сопоставления их с общим социокультурным фоном России XVIII – первой половины XX вв. Следует заметить, что психоаналитический метод исследования отсутствует в реконструкциях тартуского исследователя. Вместе с тем, в семиологическом творчестве у Ю. М. Лотмана и Р. Барта есть немало точек соприкосновения. Можно указать на обоюдное признание множественности смыслов текстов, признание открытости текстов прошлого для исследований историков, учет изменчивости мнений различных поколений читателей об одном и том же тексте, понимание важности роли вещей повседневной жизни для изучения культурного контекста исторической эпохи.

Выводы. Таким образом, методологические концепции семиотики и исторической антропологии для осмысления проблем истории и философии культуры в частности, применение категорий текста, контекста, реконструкции прошлого к осмыслению проблем «человеческого измерения» исторических процессов указывает на возможности более глубокого и эффективного изучения философско-культурной и историко-психологической проблематики.

Библиографические ссылки

1. **Барт Р.** История или литература? / Р. Барт // Избранные работы: семиотика, поэтика. – М., 1989.
2. **Барт Р.** Предисловие. Из книги «О Расине» / Р. Барт // Избранные работы: семиотика, поэтика. – М., 1989.
3. **Библер В. С.** Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры / В. С. Библер. – М., 1991. – 169 с.
4. **Галинская Ч. Л.** Постструктурализм в современной философско-эстетической концепции / Ч. Л. Галинская // Зарубежное литературоведение 1970-х годов: направления, тенденции, проблемы. – М., 1989.
5. **Грякалов А. А.** От структурализма к деконструкции / А. А. Грякалов, Ю. Ю. Дорохов // Русская литература. – 1990. – № 1. – С. 71–82.
6. **Кепечи Б.** Знак, смысл, литература / Б. Кепечи // Семиотика и художественное творчество. – М., 1977.
7. **Косиков Г. К.** Ролан Барт – семиолог, литературовед / Г. К. Косиков // Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. – М., 1989.
8. **Лотман Ю. М.** Беседа о русской культуре / Ю. М. Лотман. – СПб., 1994.
9. **Лотман Ю. М.** О метаязыке типологических описаний культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам : В 18 т. – Тарту: ТГУ, 1969. – Т. 4.
10. **Лотман Ю. М.** О Хлестакове / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988.
11. **Лотман Ю. М.** Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам : В 18 т. – Тарту: ТГУ, 1981. – Т. 12.

12. **Лотман Ю. М.** Феномен культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам : В 18 т. – Тарту: ТГУ, 1978. – Т. 10.
13. **Лотман Ю. М.** О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам : В 18 т. – Тарту: ТГУ, 1972. – Т. 5.
14. **Топоров В. Н.** Петербург и петербургский текст русской культуры / В. Н. Топоров / Труды по знаковым системам : В 18 т. – Тарту: ТГУ, 1984. – Т. 18. – С. 4–29.

Надійшла до редколегії 24.01.2012 р.

УДК 001(091)

Я. В. Андруцька

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

«СЛОВО ПРО ЗАКОН І БЛАГОДАТЬ» МИТРОПОЛИТА ІЛАРІОНА ЯК УОСОБЛЕННЯ ІСТОРИЧНОГО БУТТЯ ЛЮДСТВА

Проаналізовано твір митрополита Іларіона Київського «Слово про закон і благодать» як втілення світоглядного розуміння історії людства через призму християнства.
Ключові слова: благо, закон, християнство, Бог, душа.

Проанализировано произведение митрополита Иллариона Киевского «Слово о законе и благодати» как воплощение мировоззренческого понимания истории человечества сквозь призму христианства.

Ключевые слова: благо, закон, христианство, Бог, душа.

The article analyzes the work of Metropolitan Hillarie of Kiev «Sermon on Law and Grace» as the embodiment of the philosophical understanding of human history through the prism of Christianity.

Keywords: welfare, law, Christianity, God, soul.

Актуальність теми. Запровадження християнства на Русі сприяло зміцненню державності, поширенню писемності, створенню визначних пам'яток літератури. Під його впливом розвивалися живопис, кам'яна архітектура, музичне мистецтво, розширювалися і зміцнювалися культурні зв'язки Русі з Візантією, Болгарією, країнами Західної Європи. Разом з християнством на східнослов'янських землях були запроваджені церковний візантійський календар, культ «чудотворних» ікон, культ святих. Християнство внесло суттєві зміни у світогляд певних людей. Якщо в основі політеїстичних релігійних вірувань стародавніх слов'ян містився страх перед стихійними силами природи, ворожими і панівними, то християнство плекало надію на порятунок, почуття захоплення навколишнім світом. Коли християнство стало державною релігією Київської Русі, виникла потреба ознайомити віруючих з Біблією, життями святих, проповідями, а також з історією християнства та його світоглядом. Першим кроком на шляху створення давньоруської літератури було перенесення з Візантії та Болгарії культової літератури. Але важливі політичні й історичні проблеми висвітлювалися у творах оригінальної руської літератури, що ґрунтувалася на досвіді усної дохристиянської культури. Специфіка релігійного змісту, можливості доступу до досягнень світової культури сприяли тому, що першими руськими письменниками були переважно священнослужителі: київський митрополит Іларіон, митрополит Климент Смолятич, монах-літописець Нестор, єпископи Кирило Турівський та Лука Жидята, дяк Григорій, ігумен Печерського монастиря Феодосій, ігумен Сильвестр та ін. Основним джерелом викладу філософських соціальних і морально-етичних проблем на Русі була Біблія, зокрема Новий Заповіт.